

ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН

ЛЁГКИЙ Я САМОЛЁТ

«Евдокия»
Екатеринбург
2023

Изяслав Винтерман
ЛЁГКИЙ Я САМОЛЁТ. — Екатеринбург: «Евдокия»,
2023. — 64 с. — 500 экз.

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена без согласия издателя и/или автора.

© Изяслав Винтерман, текст
© Сергей Слепухин, Евдокия Слепухина, иллюстрации
© Мария Огаркова, Евдокия Слепухина, дизайн
ISBN 979-8-364-08731-7

I AM THE LIGHT AIRPLANE
by Isyaslav Winterman

Copyrights © 2023 by Isyaslav Winterman
All rights reserved.

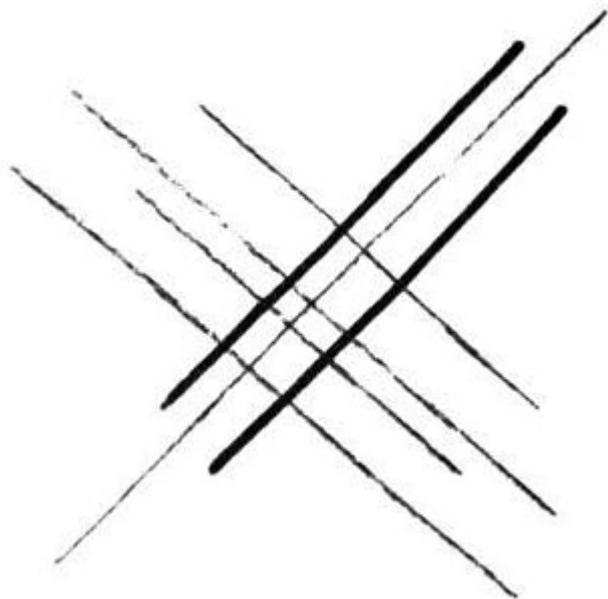
No part of this book may be reproduced in any form or by any means, including information storage and retrieval systems, without permission in writing from the Publisher and/or the Author, except by a reviewer who may quote brief passages in a review.

© Isyaslav Winterman, text
© Sergey Slepukhin, Evdokia Slepukhina, illustrations
© Maria Ogarkova, Evdokia Slepukhina, book design
ISBN 979-8-364-08731-7

e-mail: slava.winterman@gmail.com
<http://www.facebook.com/slava.winterman>
<https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Винтерман>

Eudokiya Publishing House
Ekaterinburg, Russia
eudokiya@gmail.com

ЛЁГКИЙ Я САМОЛЁТ

ЛЁГКИЙ Я САМОЛЁТ

***

Слова на ветер — ветер носит
их по земле вперёд, назад.
Под утро возвращает осень,
на ветки листья нанизав.
На листьях мелким шрифтом ливень —
душе наверх и вниз телам —
а вместе слишком суетливы,
и — поделом, и... по делам... —
их треугольники по кругу —
и возвращаются листвою.
Слова на ветер — друг за другом —
я слышу этот жуткий вой.

***

Дождь нещадно льёт —
пар восходит густо.
Лёгкий я самолёт
любви и грусти.

И хочу взлететь —
ждёт душа на вылет.
И любить, жалеть
всех, кто не любили.

***

Я сегодня сбитый лётчик —
не летаю, не пою.
Из туманных оболочек
сплошь пробитых состою.

Незаметно истекаю
светло-красною водой.
А земля всегда такая —
и желает быть родной.

Наберу и вес, и возраст.,
высоту, и я клянусь:
в сердце — воздух, в душу — твёрдость
мне вернут, и — я вернусь.

Разберу на части счастье,
в глубине найду мотор.
Небо — самый чёрный ящик
вскрою — всё таки майор.

Пусть не падает водою
и не сыплется из рук;
Пусть небесною травною
зарастают лес и луг.

Я пойму намного лучше:
сбит не сбит... «Земля, земля!..»
Бог запустит в сердце лучик,
и спою своё «ла-ла...»

***

Мы собрались —
улететь
в новое небо.
Ждали,
когда откроется,
или приказа
из... точки, розетки,
катышков чёрного хлеба —
дуновения лёгкого.

Можно по зову сердца —
но как-то глупо.
Считать ударов алмазную сутру.
Пuls нормальный,
ночь слишком крупно.
Небо — не то, не новое, скоро утро.

И разошлись быстрее,
чем даже хотели.
Не занимались любовью,
не ели, не пили.
Смотрели на землю в снегу
и вертели, вертели...
А небо стояло,
но мы его не любили.

***

Сон частично, частично суша:
город всплывший, комната порт.
Вышел, автоматически скушал
недоеденный бутерброд.
Унесённый порывом ветра,
тело-душу подставив ему,
убеждаю себя: всё верно,
но, по-моему, ни к чему.

***

То дрожу, то имею право.
То в кровать, то к столу бегом.
Прячусь в зеркале без оправы,
отражаюсь не тем углом.
Я пробрался в чужую душу,
провалился не в свой портал.
Это чьи тут глаза и уши,
в чью нору это я попал...
Жизнь украли, не понял даже.
За душою моей придут.
Отражаюсь, дрожу, ведь я же —
не исчез — я же где-то тут.

***

Как раздарены все листья,
ветви крепче ствол обняли.
Ожиданья цвет землистый
на небесной биеннале.

Как схлестнулись два вертепа
в откровенье ярко-рыжем —
колом в небо, в землю репой —
ветром северным острижен.

Как рванётся ливнем дождик:
глаз — гроза, поток — волосья...
Подставляй башку, художник,
пусть полней в неё вольётся.

***

И это твой — головой ответ?..
От ветра кружится голова.
Слова отскакивают, как свет,
с ветром общий язык найдя.
Айда, как сказано, в ЦПКиО.
Киоск там с пивом и газводой.
Одной нельзя, и один — никто,
а то бы — две головы в одной.

***

Вот вам реальность, дальше сами...
Решайте побыстрее: что — в ком.
Какими тёмными частями,
где пополам, где целиком.

Сужая круг матерьялистов—
тела их побеждает дух, —
но дальше сами... Столько листьев —
как на две осени, мой друг.

То мы опали... сами, сами...
Бог полюбил себя за нас,
чтоб с миром падшим — под ногами —
был ощутимей резонанс.

***

Поливать цветы...

— «Откройте, полиция,
с утра вы должны поливать цветы...»

Выслушать ангела... —

А мы слушали храброго Янкеля:

«Берём наши старые лекала:

“не убий, не кради...” —

и спорим ради...»

— «Закройте хлебала...

На выход, по одному —

все... трое...»

— Вот потому

никому не откроем...

***

Натренированная память
выхватывает дней узор.
Словами присыпает ямы
и прыгает через забор.
Карабкается неуклюже —
дрожащая такая тварь...
И розы снега прямо в лужи
выбрасывает январь.
Они всплывают или тонут,
цвета меняя и размер,
волнами бьются монотонно —
в закрытые окно и дверь.
Сливаются в окружность стены —
покрыты вечной темнотой.
И, память мучая, в три смены
дежурят тени надо мной.

***

Я хотел любви, я желал её,
и на камне об этом высечь.
Пусть и ложка моя будет в честь её
и над ложью меня возвысит.

Горсть пшеницы птицам — на небеса,
чтоб слетелись со всей равнины.
Дождь на землю зёрнышек набросал.
...Слёзы красные у рябины.

Но с тех пор мои облака пусты.
Понимаешь, что верхом смысла
было то, что не удалось спасти,
а не то, что спасти бы вышло.

***

Отбрасывая тела,
свободны от вечных мук,
мы — ветер вокруг ствола,
вокруг нефтяная муть.

Сквозь небо и землю ствол —
дыханьем сердец обвит.
Смотри, не проходит боль
того, кто хотел любви.

Любви, что тела взяла,
но не показала мне,
что светятся, как зола,
ожившая в общей тьме.

***

Зимний вечер в Иерусалиме,
20 плюс, «облади-облада».
Вышим разумом неопалимы...
— Виски-виски? — Мы кубики льда!
...Он песочком, размолотым в ступе,
пенопластовой крошкой творит,
взяв игрушки в коробке от туфель,
или в той, где сапожки твои, —
на ушах их развесит, на чёлках
и на пальчиках всех рук и ног...
Привыкай: будем ёлка и... ёлка,
а не только сапог и сапог.

***

Гору снега — белого слона —
ведя по дворам для детворы.
Лучше раз увидеть... что слова? —
он вот-вот уйдёт в свои миры,
в небеса — вдоль статуй облаков,
голых нимф в заставленном саду,
обхватив меня со всех боков
и забросив в небо на ходу.

Может, тоже высыплюсь с утра,
поблещу до ночи во дворах.
Подгребут знакомые ветра —
покачаюсь часик на ветрах.
В окна беззащитные набьюсь,
все дома облазив, и... умру,
не дослушав, как знакомый блюз
в темноте гундосят на ветру.

***

Десять Сант заходят в дом.
На сто квартир — пять Петь,
четыре Иры, один Том,
две Тани — надо успеть.
Саш — этаж и малышка Джейн.
Лифт не работает, семь этажей.
Сколько надо рабочих дней,
то есть часов и минут,
всех обойти детей,
ожидания не обмануть...
Надо больше, чем десять Сант,
нужен — десант.
...Но Таня останется на шестом,
на третьем — старшенькая из Ир —
на сто квартир, на безумный дом,
на бездомный мир.

***

Найди меня
с той стороны,
в заброшенном парке,
где листья дымят,
соседи по ветке,
по... парте.

Чувствуешь запах?..
Дым,
воздуха накипь...
По свету найди
меня —
он одинаков...

***

Был деревом, теперь я лес.
Ручьём я был, что камни моет.
Был ямой, а теперь я — лест-
ница — для спуска в море.

Был небом я наоборот:
лежали камни облаками.
И море вышло побороть-
ся с небом волнами-быками.

Был бык,
    бык был,
        былбык,
            я — бык.

Был я неполною луною,
светился ночью я как бы
лишь половиной доливною...

***

— Плачú дождём, монетой звонкой
за просьбы ваши и мольбы...

...Перевернулось плоскодонкой
покрашенной, а не абы
какой, сырое небо.

Нам в руки дали по веслу —
мы замерли, немного недо-
ожив, немного на весу...

Дажьбог, ты нам остался должен.

Вода горит, и в той воде —
сожги нас, если не продолжим
молить о солнце и дожде.

***

Все волшебники стран Оз:
Санта, Йоулупукки, Дед Мороз
и фигуристые Снегурочки —
не страшен им авитаминоз...

...Не будь я снобом (а кто не сноб?) —
был бы я... чтоб меня, чтоб...
До превращения недалеко,
я лакаю мадам Клико
из прозрачных ладоней
призрачных рук.
В глазах белладонна,
чёрный круг...

...На горизонте один из Оз
отправляет последний ковчег
со Снегуркой, не проронившей слёз, —
«Мир, зажгись, сгори, человек!»
Может, мокрым снегом возьмут и меня
или тенью пустят — мизер затрат, —
чтоб потом превратить в огонь и в коня,
во что пригодится — я за, только рад.

***

То молчат в разрыв, то лопочут влёт,
ватно стелются... Ножку выставь,
оголи её, и, как в гололёд,
поскользи по опавшим листьям.

Пусть возьмётся корочкою льда —
сверху вниз по земле неровной —
след, исчезнувший без следа
в раскалённой листвы жаровне.

Я сгорел, замёрз, приходи с утра
собирать мой холодный пепел.
Слышишь, плачут листья, когда ветра
их безбожно срывают с петель.

***

Удержу покой
ласточкой над морем.
Пусть огонь по той
стороне — посмотрим.
Окуну крыло
и лицо умою.
Рыба-меч — меч наголо —
рубит надо мною
все узлы и волны... Словлю покой
и по солнцу с ветром —
сверю путь — по звёздочке под водой
с учащённым спектром.

***

Дали пропуск мне на снегопад
по большому благу.
Фейерверк, салют, флажки, парад,
всем разносят вату.
Облака на палочках дают,
пузыри на нитках.
Дышит небо — снег, флажки, салют,
выхлопы зенитки —
обдают ударною волной,
будто снег за шиворотом тает.
Наслаждаюсь порцией двойной
сладкой жизни — если так бывает...

***

Будто лёд разбитою головой
пробиваю оконный свет
и лечу так низко, что как живой
возбуждённо вздыхает снег,
шевелится белою бахромой,
по крупнице собрав тепло
каждой порой дышащей: «Ах ты мой
дурачок, зря разбил стекло...»
За стеклом металл, за металлом топь,
мякоть чёрная дней и лет.
Ей огонь сердец или душ потоп —
всё одно — так о чём жалеть!..

***

Разметает ветер две дорожки —
для него оставил самолёт
в пыль почти размолотые крошки
звёзд алмазных — мельче не смолоть.
И от соляных столбов до самых
бурных рек, размытою тропой,
ветер, соревнуясь с небесами,
крутит этот вид передо мной.

Я всю жизнь смотрел в другое небо,
я запомнил всё совсем иным:
тает самолётик, будто не был,
бескозырки ленточки за ним;
то ныряет в глубину иголкой,
то назад, проваливаясь в даль.
И душа за ним, увлёкшись гонкой,
а за нею радость и печаль.

***

Мы такие белые в темноте —
мы сама зима, хоть и тёмный угол.
Свет и тень — по стенам метёт метель.
Как на голое тело надета вьюга.
Лижет свет дороги, язык прилип.
Поцелуями слизываем слёзы.
Снег на лицах тает, на каждый всхлип
откликаемся сами как под гипнозом,
обнажённые этой большой зимой —
и душой прозрачны, и лёгким телом...
В темноте засветится путь за мной,
ослепляющий огненно ярко-белым.

***

Продавит ветер тяжёлый дым.
Шмыгнёт дымоходом мышка.
С тарелки схватит, что не съедим, —
лови на сквозняк воришку.

Совьётся скатертью под столом
и съест на полу оладьи,
захлопнет дверь, помахав хвостом, —
придётся и с ней поладить;

придётся нам разделить уют,
пока не сорвало крышу.
И дать приют, ведь и нам дают, —
и Джерри, и Тохтамышу.

И выбрать ужин или ночлег,
и с кухни щемящий запах.
Идти сквозь сон на него, сквозь снег,
зверьками на задних лапах.

***

Два дня — как будто день один —
всегда живём одним.
Невидим неба белый дым
в копне моих седин.
Курится воздух ледяной
над жаром головы.
Напиток чистый и двойной
идёт в меня на «вы».
Вливаются ржаной покой
и солодовый рай.
И день один или другой —
не жалко! — выбирай.
Как выбираешь два в одном,
и тот, и этот год.
И ночью снег очнётся льдом,
и вывалится лёд
в стакан пустеющий, как дом...
Два дня, как день один.
А мы идём, на «вы» идём,
пока не победим.

***

Не знаю, не кони,
но выпили много.
И шёл в заоконье
снежок многоного.

Шёл, как по спине
каблуки и подошвы,
с песочком, и не
беспокоясь о прошлом.

В лопатках дрожь
от коньяка и озноба.
И вышли мы падкими...
падали оба.

Не знаю, не кони,
но люди едва ли.
Мороза иконы
на окнах сдували.

Петляли, шатаюсь,
но в каждой петельке,
целюсь и тая,
как снежные белки.

***

Поспи, покричи
упрямо в стену
на кирпичи! —
держат систему.

Иди напролом.
Свет чёрной нитью.
Сознание потом,
сейчас — по наитию.

Грузится ночь,
дневным не гнушаясь,
как многостаноч-
ница из Шанхая.

Настенный очаг,
коврик с оленем.
О чёрной дыре — молчат
поколения.

***

Образцово выстроенная зима:
всё белым-бело... Убирает снег
в светлых сумерках человек,
распрямясь под выдох-мат,
наклоняясь — и злость на спад.
Кто услышит в таком часу?
Снег красив. Будто взяв косу,
скосит цвет, пока люди спят.
Силы мало в его руках,
чувств в обрез — посреди снегов.
Слижет соль на сухих губах.
Кожа снега сойдёт с него.

***

На мелководье виски —
читай: на мелковиськи —
я плавлюсь лучше воска
в покое левантийском.

Лежу, что кот Василий,
на мелководье тёплом,
топлю своё веселье —
раз пять уже уютно.

И празднуется что-то,
горюется надутно
по чётным и нечётным,
и по нечётким датам.

Эх, зря я выбрал виски,
эх, зря ушёл из флота.
Как Лоуренс Аравийский
я плаваю на фото.

***

Под цветом неба не таким
взрослели девятиэтажки.
Они за две, за три затяжки
всё небо превращали в дым,

и заводили нас в тупик
дворами, вечным перекопом.
И время — яблочным притоком,
в который больше не вступить.

А я вступил и корчусь здесь
дождём и сломаной веткой,
ни сигаретой, ни конфеткой
не затянуться, не заесть.

***

Заходишь в тело, став на всех похож.
Но щели остаются. Свет усилив,
увидят и поддержат тела ложь.
Суть ускользнёт, нарочно упустили...

Смерть затемнит лицо и глупый вид,
снимая окончательно вопросы:
любовь, бессмертие... — их свет ещё кровит,
и чья — та плоть, завёрнутая в простынь —

готова лодочкой на небеса,
или — скрипя по утреннему снегу,
обласканная мокрой мордой пса —
бегущего созвездием по следу?..

СЛУШАЙ АНГЕЛА СВОЕГО

***

Золото солнца плавится на снегу —
им покрывают крыши и купола.
Вечной зимою — голые тополя,
ветви скрестив, упрашивают судьбу:
«Кости промёрзли, и нет на земле тепла...»

Вспыхнут деревья — свет их согреет чуть,
беглым огнём скрываясь среди ветвей.
Мёртвые встанут и станут ещё живей,
с ними живые — мучениками чувств —
объединятся — ветром их не развей.

Тени сойдутся, не до конца сгорев.
Время осыплется снегом с колючих плеч.
Ночь — до утра остывающая печь,
не предлагает время стряхнуть с дерев,
не умоляет снова себя разжечь.

***

И крупнеет в глазах темнота,
и иду в неё — там моё время,
там я прыгаю в небо с моста,
взявшись за руки вместе со всеми.
Но мне страшно, что бог или кто
крикнет: «Ангел, верни мою глину!»
Ангел, вторя: «Ты именно тот,
возвращайся, покуда не сгинул...»
Сосчитает до трёх, до пяти... —
я, и не обернувшись, увижу...
Ненавидя, я буду идти
в никуда, для которого выжил,
выжав собственный свет из всего —
бог позволил, и ангел был с нами —
свет, наполнивший души снегов,
что упали во тьму небесами.

***

Может, у бога был брат-близнец,
шесть дней разрушивший на седьмой.
Ибо в начале всего — конец,
дальше по плану — идём домой.

Дома встречает его отец,
краешком губ улыбаясь, мать
(этот сын — тот ещё сорванец,
только бы злить всех). «Чего ты, бать,

ходишь кругами, аж сполз венец.
Пусть самовольный, но ведь родной,
жнец, как и ты, на дуде игрец —
сын твой творящий... Рукой одной

крепко за неба схватившись плоть,
чтобы свободной сражаться с тьмой,
чтоб человек рос, как дикий плод
воображения, в день седьмой...»

***

Не война — абсурдный театр теней.
Ни своих, ни чужих пару тысяч дней.
Невидимки решают: «Всё дело в нас...»
И скользят сквозь души: «Война, война-с...»

Строю планы пунктиром на год, на два:
в первый год — трава, во второй — дрова.
Схватишь сам себя, то есть никого.
Пару тысяч дней — это в первый год.

Во второй — ни трупов, ни мертвецов,
по команде поднятых молодцов.
Строю планы на третий и... на шестой,
и-и-и продолжается вечный бой.

***

Город взмахнёт берегами и улетит.
Не рождены ещё мы, стоим на выход
из ледяных землянок.

И тяжесть плит
сбросить — нам нужен вихрь,
снежный поток!..

Индевеющий Млечный Путь —
рвём, как плеву, чтобы хлынули реки долины.
Мы ещё зреем — словами взрывая грудь,
криком — лицо перекашивая из глины.
Новый зверь — холод невымытых его костей —
белых, седых, сыпучих лежит полого.
Город — ремнями рек...

В небесном костре —
вновь перестроятся звёзды — огонь их лёгок.

***

Как в предбаннике: холодно, а не жарко,
и не топят черти. Сейчас чайку —
и мучений виды под разной маркой
предлагают, надо быть начеку.

Завернут не в то, не успеешь ойкнуть —
ты кирпич в газете, а не батон.
Пью чаёк, в себе кипячу настойку.
В белой тоге я — в бане царит бонтон.

Жизнь кипит, смолой истекают стены,
и тела в полу как рисунок плит.
Слюдяные окна, и люди-тени
пьют свой свет... Не хочется больше пить.

***

Такая беззащитность сзади,
затылок время холодит.
Ночь целится почти не глядя,
и пуля медленно летит.

Сквозь дырочку — душа навывлет —
такая дует пустота.
Напрасно кровь остановили.
Ночь целится из-за куста,

из форточки, гордясь отстрелом
всех, проходящих на меня —
пусть рефлекторно, страстным телом,
слепыми вспышками огня.

***

Может, того и боится бес:
быть обращённым веленьем бездн —
в сущность простую, в нелепый дар,
в мастера абракадабр.

Я, уязвлённый святой водой,
воспоминанием об одной...
И одержимость моя и страх
так велики в глазах... —

будто в душе округлилась боль,
будто я серый голодный волк,
будто гоняюсь я за тобой —
шерсть дыбом в тысячу вольт.

***

Море уйдёт, поязвим на мели:
где же вода, глубока?..
Будто дышать под водою могли,
рыбу хватать за бока
или за кудри — пловцов и волну,
попридержав океан.
Будем бороться, пока не вернут
море его берегам.

Мы обещали и вахту несли,
звёзды вносили в реестр.
Море раздвинуло ноги земли,
кожу сорвало с небес.
Недалеко по нему уплывём —
дном развороченным внутрь.
С иерихонским потопом-дождём
всех нас под воду вернут.

***

Темнота в глазах моих метельна,
жизнь провал, безумно время после.
Человек лежит, душа — отдельно.
Снег лежит, хотя был дальше послан.

Человек, как оголённый провод,
вытянулся телом двухметрово,
обмотавшись снегом поперёк,
неба замороженный пьёт сок.

***

Будто одуванчиков шары
мёрзнут в небе с Первой мировой.
А внизу нарезаны миры
и воют реки с трын-травой.

В небе облаков застывший взрыв
и парашютистов дикий рой.
И воют все, кто ещё жив,
в параллельной нашей мировой.

***

Мы поблѣкшие мышки в своей норе,
но прокладываем маршрут.
Там какое столетие на дворе? —
чтобы вышел не слишком крут.

Мандарины швыряют ли, как снежок,
едоки шуб и оливье,
ходят в баню, пьют ли на посошок,
в грудь стучат и по голове?..

Мы другие, мы мы... шки, и мы — не мы.
Дразним всех, аж трещат чубы,
белой тряпкой снега — из недр зимы
вызывая богов судьбы.

***

И уснув, не знаешь, на сколько — на
вечность, пару часов глубоких...
Да и спишь, не спишь — только сторона,
я на той, что выходит боком.

И умрёшь во сне, не умрёшь во сне,
и проснёшься живым в надежде
или после смерти, смирившись с ней,
или даже смирившись прежде.

***

Наступает вечер поздний —
перекрёсток лучших сил.
Перед ночью-преисподней
кто меня притормозил?

И налево и направо —
или всё же — вверх и вниз —
переправа, переправа,
переход в другую жизнь.

Замерзаю в месте силы,
воздух в камень кто-то сжал.
Что ещё сказать мне, или
промолчать о том, что жаль.

И заглядывают тени
на неверный свет в душе.
От обрывков откровений —
смерть реальнее уже.

И ломает все движенья
темноты белёсый свет,
будто тела наложенье
на невидимый скелет.

***

Город передо мною —
вспыхивает сирень
света — в ковчеге Ноя
празднуют новый день.
Свет обнажает воду.
Воду переверну —
сколько же здесь народу —
не на одну войну.

Сбросим одежду, кожу,
станем душой одной —
больше ни с чем не схожей,
только с самой водой,
светом земли до неба,
вспыхнувшим, как сирень,
страстью, смотрящей немо
в новый последний день.

***

Души, а не телá на износ —
вслух он это не произнёс —
станут холодом всех мастей
в призраках без костей.

От воды, от реки тоска,
шум лозы или треск ростка —
сквозь волокон небесных пласт.
С неба пасть —

крутанёт земли колесо —
в поле отскочишь, в ближний лесок.
А там до смерти, как до села,
и темноты смола.

***

Я лучше, чем пожар или потоп.
Но я устал испытывать на веру:
какой обвал, а может быть, подкоп —
разрушат храм, пробьют ионосферу —
и чтоб хватило этого на век...

Не быстро так ложится в землю время,
уходит в небо, падает, как свет,
проваливаясь в яму между всеми —
что никого, кто скажет: я там был,
где не проверят, пусть, но я поверю;

где крутит шар, который невзлюбил,
и окунает в хаос — бог за дверью.
И гонит то огонь, а то волну,
не удовлетворяя всех отчасти.
Но всё скучней заведомо ему,
и всё непостижимей наше счастье.

***

Разбей стеклянный шар, я буду в нём.
Снег падает на милый домик гнома.
Искусственные хлопья, всё вверх дном.
И жизнь бредова... Сквозь виденье дома —

подправить время, направляя взгляд:
вон ветер-Лазарь поднимает волны
и гладит по головкам всех подряд.
И мне не так уж безнадежно больно.

Я сам себя раз пять восстановил,
но никого для жизни не верну я.
...Разбей меня, смотри, как я любил... —
там только снег сочится в щель дверную.

***

Обними меня, обними пустоту после...
Будто я с тобой, меня много и я везде.
А потом посмотри: улыбнулось ли нам поле
просветлело ли время, когда мы пошли по воде.

Разошлись берега ли?.. Ноги тяжёлые в вате
ступают по серому пуху, по облакам.
И звёзды стоят, молодые матросы на вахте.
И волны дыбом... Идём — *расступаются!* — по волнам.

***

Я буду тем, кем были мы вдвоём, —
мостом, который реку обогнал,
и башней, облака проткнувшей днём,
а ночью посылающей сигнал.

Пусть видят ночью, кто при свете слеп.
Я буду рядом с ними в каждом сне.
Приду ко всем, кто не моргал сто лет,
как сквозь ресницы свет и яркий снег.

Когда нас позовут по именам,
скрещённым и понятным только нам,
мост рухнет, возвращая берегам —
пространство, башня — небо облакам.

И будем ждать неслышимый сигнал,
звонок с той стороны, где мы найдём
другой источник света, кто бы знал
как мы друг другу свет передаём.

***

Те бабочки, что низко над землёй, —
растут цветами.
Созвездиями — те, что вверх . И слой —
таких, что с нами —
посередине — не болящий шов
сторон обеих,
где волны тёмных слов и светлых слов
стучат о берег,
но каждый в свой, или наоборот...
Меняя крылья,
цветы влетают в звёзд водоворот
без мук усилья.

***

Свет липкий, липовый, кленовый —
сироп последних дней таких.
Пролётом голова больного,
огромный выбор тел людских.

Все образы её туманны —
распотрошённый пуховик.
Невыездной из каши манной
цирк при поддержке духовых.

В безвременье сплошное лето,
жонглёры, клоуны, друзья.
За головой летаю, лета-
ю — на составные не разъят.

По-настоящему не вязнет
в пуховом свете голова.
И ни любви и ни боязни.
Несовершенные слова:

«Жонглёры, клоуны, лошадки» —
микшируются целый век...
И пролетаю без оглядки,
на голову набросив свет.

***

Что решили: цвести или вянуть?
Улиц — в тёмных глазах — огоньки
на сближенье и на расставанье,
бег по кругу наперегонки.

Выбирай расстоянье любое,
чтобы свет не терпел холодов.
К свету свет, но атласным подбоем.
Что решили, на сколько ходов?..

Я сейчас буду празднично вянуть
и торжественно сохнуть на вид.
Красно-чёрным, поругано-рваным
город неба горит и кровит.

Будем с ним расцветать, будем вместе
ждать иного, чего и не ждал,
в том же времени диком и в месте,
где однажды уже было жаль.

***

Прошлое в прошлом тонет
глубже и под замок.
Под темнотой бетонной
выжить бы я не смог.
И в ожиданьи смерти,
всё под иным углом.
Ангелы-недомерки
в гуще борьбы со злом

Тенями мир заляпан.
Свет я краду, как соль,
Жизнь из когтистой лапы
вырву, забыв про боль.
Чувствую тьму и холод,
жгущий сознание, лёд.
Где ты, мой свет-осколок,
что сквозь меня плывёт...

***

«Выбирай уже свою реальность —
с умною собакой или кошкой,
скрипом снега, и — живи на дальность,
а на точность — если станет тошно.

За тобой пойдут по серым тучам
все, предрасположенные к грому.
Будешь в небе облаком растущим,
с сединой в разрывах, — ближе к дому.

И когда твой жребий станет ясен,
выпадай дождём, всходи пшеницей.
На земле и в небе будь прекрасен —
в многоликой жизни, в разнолицей»

...Так хотел меня отправить в небо —
от земли подальше в водах талых,
где душе не требуется тела,
телу нет потребности в деталях.

